

Григорий БАКЛАНОВ:

Моск. правда. - 1998. - 10 сент. - С. 7

Я говорю — выгребем

Синеватое, пасмурное утро. У меня в комнате сильно пахнет яблоками. Яблоки - от Бакланова. Из его сада. Уродились обильно - к 75-летию хозяина. Автору «Пяди земли» и «Июля 41 года» - для меня это вещи, вошедшие в состав души, - никак не дашь его лет (род. 11.9.1923 в Воронеже). Высокий, как нынешняя молодежь, поджарый. Прошел великую войну, начал рядовым. Так случилось, что присягу не принимал. Но ему это воевать не помешало. Был тяжело ранен, шесть месяцев провел в госпитале; латали, штопали, выпустили не годным в строй, а он все-таки вернулся в свою батарею и прошел в ней и с ней до конца войны. Красная Звезда, другие боевые награды... Молодо выглядит жена - мягкая, добросердечная Эльга. 45 лет вместе... У них сын Миша, дочь Шура, внуки: Юра, Илюша, Маргарита. Когда впервые Бакланов пришел на дачный участок (по Калужскому шоссе, в трех километрах от деревни Ватутинки), всюду валялся шлак, битое стекло. Глина трескалась, как в пустыне Сахаре. И зелень не желала асходить. Приготовил почву. Холил яблоню, растил сосны, березы. Такой характер: романтичный и одновременно устойчивый, напористый. Сызмала, от родителей, впитано: без делов жить - в опорках быть. Опорки, если кто забыл, - худая, изодранная обувь.

- Есть разные точки зрения на советское прошлое. Мы освободились от глобальной государственной лжи, смертью эпохи всех заживо уравнило. И общественный опыт 70 лет покажется ненужным. Есть сильно разрыванные новым временем. Кто-то думает - если не ошибаюсь, это близко прозаику Анатолию Рыбакову - мы строили социализм без демократии, было скверно, сейчас демократию без социализма, тоже плохо. Что, Григорий Яковлевич, скажете вы?

- Скажу: в огороде бузина, а в Киеве дядька. Какое отношение имеет одно к другому? Разве в Англии когда-нибудь был социализм? А это одна из старейших демократий. Высокий уровень цивилизации. Рыбаков часто изрекает афористичные мысли, которые пристало высказывать мудрецам, а мнимую мудрость комментировать невозможно. Моим родителям (предыдущее поколение) было с чем сравнить новое, а сверстники вели отсчет с 1917 года. Были ослеплены этим пожаром. Мы как бы родились слепыми.

У каждого народа есть роковые, преобразующие минуты в истории. Вот Французская революция. Жестокая, да. Но какой выплеск народной энергии. Вы скажете: хотели создать общество свободы, равенства, братства, а к власти пришла буржуазия... Все так. Но без всенародной раскачки ничего бы у Наполеона не вышло. И до Москвы не дошел бы. Можно повторять, что в 17-м власть валялась под ногами, нагнись и бери, и это сделали большевики. Интересно другое. Они ослепили народ великими иллюзиями. Надеждами. И выплеск народной энергии был. Ужасно, что все обернулось гигантской кровью. Насилием. Тиран растоптал свободу и поглумился над ней. А люди рассчитывали на волю, на лучшую долю. И везде, где строили общество по нашему ранжиру, не обошлось без тотального насилия. Все эти страны, в сравнении с соседями, оказались в проигрыше. У большевиков были свои достижения. Бесплатное лечение, это что - шутка, что ли? Неправда, что были плохие вузы. Если не говорить об идеологии. Когда балерина обязательно сдавала историю партии, потому что иначе вращаться не могла. Но в целом образование было не таким узким, как на Западе и в Америке. Там человека готовят к делу. И готовя лучше. Но у нас гуманитарное сочеталось с естественным. Это дает ширь молодому уму.

- Слышны жалобы, что страна оказалась без идеологии. Почему, ропщут, у гимна до сих пор нету слов. В связи с этим умный литератор [Константин Щербаков] пишет: «... А о чем слова! Какая ими должна быть выражена любимая мысль, идея, которую бы приняло абсолютное большинство общества!.. Как говорил чеховский Астров, нет впереди огонька. Опять нет».

- Дело не в идеологии. Никто с первых недель перестройки не сказал: дорогие мои, идем вон туда, к такой-то цели. Внятно. Чтоб люди знали. Демократия - это слишком расплывчато. Вы знаете, куда мы идем?

- Я, честно говоря, спокойно обхожусь без такого знания. История - стихия. Я не верю в социальный прогресс. Технический, да. А социальный? У всякого времени свое счастье и свои несчастья.

- Но ведь у вас дети, у меня дети. Людям свойственно думать о том, как будут жить дети. Унаследуют ли наработанное нами? Трудиться можно серьезно, только когда впереди цель. Пастыри России обязаны показать народу, по каким принципам они строят будущую жизнь.

- Так о чем же нам петь в гимне?

- Гимнов я не сочиняю.

- Речь идет о цементирующей идее.

- Петь о родине, о многонациональном народе. О гражданах России. С любовным уважением к каждому, потому что перед нами угроза распада страны. Объясните это народу и действуйте экономически так, чтоб вызывать не центробежную, а центростремительную энергию. Это не идеология. Согласны?

- Я думаю так: земля отдыхает под парами, а России пора отдохнуть от идеологии. Беда в том, что свято место пусто не бывает... Давайте поговорим о вашей писательской судьбе. Ключевые моменты...

- У меня лично не было чувства, что я переживаю тот или иной ключевой момент. Писатель не знает, что выйдет из-под пера, и не тревожится об отзвуке. Сильный отзвук в обществе вызвала «Пядь земли». Говорили: «Окопная правда».

- Выражение принадлежит критику Лазареву!

- Можете, он впервые так написал. Но это превратили из похвалы в хулу. А ведь окопная - значит народная, потому что в окопах сидел народ. Меня удостоили такой хулы! Это гордость на всю жизнь. Благодаря грубым обвинениям повесть прославилась, ее издали чуть не во всех странах.

- Я стараюсь не преувеличивать роль литературы, панически преувеличенную советской идеологической машиной. Но помню, как один литератор-эмигрант (кажется, Георгий Адамович) поделил людей на тех, кто не читал и кто прочитал «Воскресение». Считал, что человек после этого другой.

- Можете, «Воскресение» не самый яркий шедевр Толстого. Смущает назидательность. А вообще величайший писатель. Для меня бог. Глубина и вольный дух. После него невозможно читать современное с выкрутасами.

- Объясните, почему вы начали как деревенщик!

- Я городской человек, но во взводе со мной было пятьдесят процентов деревенских. Откровенность на войне, как и в мирной жизни, была в редкости. Но мы попали в окружение, думали, не выйдем. И тут я наслушался такого... Узнал, что это - колхоз. С тех пор у меня возник острый интерес к деревне. После войны учился в литинституте, а ездил исключительно в деревню. Вот и написал повесть «В Снегирях». Слабая... Я ни разу ее не переиздал и в собрание сочинений не включил. Литература о деревне у нас ведь очень мощная. Создали ее те, кто там родился и вырос. А в XX веке - кто испытал на себе трагедию раскулачивания, раскрестяния.

- Все бывает. Дух веет, где хочет.

- Веет-то веет. Но смотрите, о войне лучшее написали все-таки те, кто был на войне.

- Я знаю даже, что для фронтовиков «был на войне» слишком общее понятие.

- Да... Важно, где воевал.

- И когда? И сколько!

- Ну, это... Один день часто значил больше, чем годы. Человеку выпадало такое... Если делить по войскам, тяжелее всего было пехоте. Ремак был солдатом. Пехотинец. Он написал «На Западном фронте...». Правда, есть другой опыт. Хемингуэй воевал недолго. В санитарном отряде. Вроде бы всего ничего... А написал «Прощай, оружие!» в силу своего гигантского дарования. Вы сказали: ключевые моменты. Меня сформировала война. И как человека. И - взгляд на жизнь. Как видел войну из окопа, с поля боя, такой вижу жизнь. Я понял, каково на войне обычному человеку. Солдату. Солдат и генерал - это разные судьбы. Так и сегодня. Люди, придя во власть, теряют ощущение реальной жизни. Я некоторое время назад приехал в областной город. Не буду говорить, куда. Спросил: у вас новый губернатор, ну как? А никак. Власть заняты сами собой, меняют стулья, пересаживаются... а до нас это не доходит.

- Можете, это хорошо! Смена руководства не влияет на жизнь. Значит, произошло ограничение власти. Слава Богу!

- Нет, нет, это наша сладкая мечта, что рынок сам все устроит, что все само собой придет в норму. Это до первого несчастья... Другое дело, что у нас кое-где в деревне уже живут своими хозяйством. Вырастает урожай, продадут, покупают необходимое. Это нормальный ход жизни. Так должно быть. Лишь бы вырученных денег на все хватало. На машину. На самолет, как в Канаде, где пространства огромные. Вот и все. Но власть должна поддерживать законный порядок. В «Тихом Доне» есть фраза: «Дай больше свободы, начнут на улицах вешать». Власть очень нужна. Разумная, которой почти не видно. Ну что такое английская королева?

- Это же не власть. Это декорация.

- Декорация необходима для устойчивости общества. А то мы все время начинаем жить с чистого листа. То с Брежневом, то с Черненко. Хотя на самом деле история непрерывно длится. Так вот, в Англии есть незыблемые символы английской традиции. Задача власти не обрывать традицию. В том числе народную.

- Жаль, что в России вопрос традиции противоречивый. Вряд ли мы его сейчас решим. Будем брать от прошлого хорошее. Только хорошее. Вот вы с 1986 по 1993-й возглавляли «Знамя». Это была для вас не служба, а дело жизни, вы не раз говорили. Вы подхватили эстафету или, скажем, традицию «Нового мира» Твардовского. Он возглавлял журнал дважды, я имею в виду второй период: 1958 - 1970.

- Не могу сказать «подхватил эстафету». И вот почему. «Новый мир» Твардовского вошел в историю литературы, сыграл колоссальную роль в духовной жизни постсталинской эпохи. Все стоящее пробиравалось через партийные препоны, каждый этап такой борьбы сокращал Твардовскому жизнь. Годы перестройки - другое время. И хотя в 86-м Горбачев вынужден был сказать корреспонденту «Юманите», что у нас не было сталинизма, все равно другое время. Несравненно более свободное. А время в делах людских значит очень много. Моя деятельность заслуживает более

скромной оценки. «Знамя» при Кожевникове строило свою деятельность таким образом. Одна сотрудница сказала мне серьезно, без юмора: «Мы никогда не отклонялись от линии партии. Вадим шел на этажи и узнавал линию партии на неделю». А у меня сразу возникли противоречия с нашим куратором из ЦК. Он попробовал ретиво командовать, а не тут-то было.

- Чем из опубликованного гордитесь ныне!

- «Новое назначение» Бека. Двадцать лет ждало в столе. «Новый мир» не смог пробить в свое время, потому что Бек проник в тайное тайных советской Системы, показал механизм действия. Булгаков, «Собачье сердце». Напечатали в России через 62 года после написания. Пророческое сочинение о пришествии вселенского хама. Итоговая поэма Твардовского «По праву памяти». «Воспоминания» Андрея Сахарова, их еще перечитывают не раз. Щемящая «Тучка золотая» Приставкина. «Верный Руслан» Владимова. В том же ряду, что «Холстомер» Толстого, «Изумруд» Куприна. На совещании у Лигачева раздалось гневное: «Хватит нам собачатины!» - выстрел дуплетом и в Булгакова. «Черные камни» Жигулина, исповедальная, кровоточащая книга. Человек в темных очках приехал к нам с Лубянки в редакцию на черной «Волге» с затемненными стеклами и сказал о Жигулине: «Он ненавидит органы!»

- Как редактор вы вели общественную работу!

- Я, как пришел в редакцию, взял за правило: на письма фронтовиков отвечать собственноручно. Однажды получил письмо от женщины. Ее младший брат всю войну провоевал. Был ранен. Под Берлином в бою пропал без вести. И сколько она ни писала в совет ветеранов института, откуда он уходил на войну, не хотя, чтоб его имя было на мемориальной доске: а может, он к немцам перебежал, откуда мы знаем? Я написал официальное письмо. И получил официальный ответ: все то же. Нам неизвестно, где пропал без вести. И где находится в настоящий момент. Рано утром я позвонил этому председателю совета домой. Может, даже разбудил. «Вам не стыдно?» В ответ то же, зауценное. «Вы кем были на фронте?» - спросил я. Начальник боепитания. «Ах ты, вошь тыловая!» «Я подвергался опасности!» - взизгнул он. Эта его фраза особенно меня умилила. Уж тут я отвел душу, как на фронте бывало. Вскоре меня официально уведомили: имя старшего лейтенанта занесено на мемориальную доску. Все же написали: «пропал без вести».

- Такие воспоминания интересны широкому читателю. Вы их записали!

- Записал. Книга называется «Подводя итоги». Она объявлена «Вагриусом» в серии «Мой 20 век». Уже в издательстве. Сейчас подбираю фотографии.

- Какие чувства испытываете, подводя итоги!

- У Голсуорси сказано: с годами чернилка в чернильнице густеет. Иначе говоря, писать труднее. Примерно те же чувства. А писательское прошлое... Я прожил жизнь и не написал ни одной вещи, которой бы постыдился. Писал то, что хотел. Это в наше время не так часто случается. Были вещи посильнее, были слабей. Но все равно - то, что хотел. Сейчас печатают, как тобой написано. А раньше ни одна вещь не проходила, чтоб ей цензура бока не ободрала.

- «Знамя» анонсирует еще одну вашу книгу: «Мой генерал». Слышал, что роман о любви и что «мой генерал» - женщина. Это ваша жена!

- Не хочется говорить о негововой вещи. Смотрю, она уже обрастает слухами. Нет, автобиографического мотива в ней нету. Действие происходит в 90-е годы. Персонажи - люди молодого поколения. Любящий человек, один из мужчин героини, назвал ее - за характер, к тому же она генеральского рода - «мой генерал». Шутя назвал. Вот закончу...

- Каков ваш прогноз на завтрашний день! Если ответите: не сочиняю прогнозов, - я не обижусь.

- Нашли, когда спрашивать... Заводы практически не работают, чего ждать хорошего. Ясной цели, к которой идет страна, - просто экономически ясной, - нет, а деньги бросают, чтоб заткнуть очередную дыру. И все же люди настроены выстоять. И в глубинке тоже. Я говорю - выгребем. Трудно, не в один год...

Владимир ПРИХОДЬКО.

Фото Александра ВОЛОДИНА.